

ствія; вліятельнѣйшіе люди въ странѣ предпочитали останавливаться на потѣшной сторонѣ явленія и не хотѣли сознать обязанности преобразовать судъ, гнѣздо всякихъ извѣ. „Что смѣетесь? Надъ собой смѣтесъ!“ — могъ бы имъ сказать авторъ мемуаровъ; но онъ доволенъ былъ уже тѣмъ, что за него былъ всеобщій смѣхъ, что съ каждымъ новымъ успѣхомъ обличителя все ниже падали шансы противной стороны; она была виновна уже тѣмъ, что давала себя осмѣять и постоянно оставалась въ долгу.

Противниковъ было много, но это придавало прелести борьбѣ. Бомарше на столбцахъ мемуаровъ, точно на фехтовальномъ плацу, завязывалъ съ каждымъ отдѣльный поединокъ. „Теперь ваша очередь, г. Марэнъ“, — говоритъ онъ, и направляетъ стрѣлы остроумія и гнѣва на него. „A vous, monsieur Dairolles“, — и той же пыткѣ подвергается новый лжесвидѣтель. Это безстрашіе приводило въ восторгъ Вольтера: „я никогда не видалъ ничего сильнѣе, смѣлѣе, комичнѣе, интереснѣе, сокрушительнѣе для противника, — писалъ онъ, — чѣмъ мемуары Бомарше. Онъ бьется заразъ съ 10 или 12 врагами и повергаетъ ихъ на землю съ такою же легкостью, какъ въ фарсѣ арлекинъ-дизваръ колотить отрядъ полицейскихъ ¹⁾. Четъ Гэтцманновъ, разумѣется, отводится самое почетное мѣсто, и она почти не сходитъ со сцены, — особенно главная виновница несчастій Бомарше. Съ какимъ злорадствомъ играетъ онъ съ своей жертвой! То принимается говорить ей любезности о ея красотѣ и неувядающей молодости, и вѣтреная женщина, при невольномъ хохотѣ судей, даетъ взять себя подъ ручку и находить, что Бомарше вовсе не такой звѣрь, какимъ его изображаютъ. То ловить онъ ее, среди непринужденной болтовни, на опасномъ для нея промахѣ; она отрицаетъ, что когда-либо получала 15 червонцевъ, — „мыслимо ли, чтобъ женщинѣ въ ея положеніи предложили такую мелочь, когда наканунѣ она отказалась отъ ста лудировъ? — Наканунѣ чего? — вставляетъ наивный вопросъ Бомарше. О какомъ днѣ говорите вы? — Боже мой, о томъ днѣ, когда...“ — она умолкаетъ, досадливо кусая губы и обмахиваясь вѣеромъ. То загонить онъ свою противницу въ такую непроходимую чащу, что съ отчаянія она прибѣгаетъ уже къ совсѣмъ нелѣпымъ отговоркамъ, объясняетъ противорѣчія въ показаніяхъ тѣмъ, что бываютъ такіе періоды, „un temps critique“, когда она невмѣняема и не помнитъ, что говорить и дѣлаетъ. Какъ живо представляется при этихъ словахъ сіяющее лицо Бомарше, который уже сумѣетъ извлечь выгоду изъ пикантнаго

¹⁾ Письмо къ маркизу Флоріану, 1774 (Corresp. génér.).